

С тревожным ожиданием смотрел на своих современников Левицкий. Порывистый и взволнованный, на портрете кажется он безмерно удивленным своей эпохой. Удивленность эта рождает абсолютно трезвый взгляд на людей и действительность. Иронизирующим наблюдателем не совсем справедливо назвал его А. Бенуа.

Он, «портретной», хотел показать человека правдиво, со всеми сложностями и простотой, с высокими устремлениями и жестокой необходимостью приспособиться. И художник достигает этого. Что ни лицо — характер. Что ни лицо — биография.

Разумным и последовательным государственным мужем Левицкий изображает Сиверса. Но таковой был тогда не нужен. И Сиверс оставляет службу.

Зато благоденствует Храповицкий, статс-секретарь императрицы. Его называли острым человеком. Но Храповицкий точно знает пределы своей остроты и, сибаритствуя, самодовольно «проплывает» на портрете работы Левицкого.

И чудачит Демидов. Совершенно неожиданный парадный портрет создает художник. Заводчик и вельможа вольно стоит перед нами в халате и колпаке, опершись на лейку и указывая на плоды своих рук — выращенные в фарфоровых горшках растения. В наряде Демидова, в самой позе — пусть сумасбродный, но вызов времени и обществу. Все смешалось в этом человеке — доброта (он щедро жертвовал бедным), оригинальничанье (чего стоит только его выезд — лошади и лакеи все в очках) и естественное желание осуществиться, в науке например...

Поражает провальная пустота в лице смазливой фаворита Ланского...

Но более всего привлекали художника, образованнейшего человека и гуманиста, люди, в ком видел он единство благородной цели и общественно полезного действия, которые верили, что жизнь дана затем, чтобы светить этой жизнью.

Жест великолепный, захватывающий воображение: купив у всемирно известного философа, одного из создателей энциклопедии Дидро, библиотеку, императрица Екатерина II оставила ее ему пожизненно.

ПОРТРЕТНАЯ ХРОНИКА ВРЕМЕНИ

К 250-летию со дня рождения замечательного русского художника XVIII века Дмитрия Левицкого.

Левицкий рисует Дидро наедине с рождающейся мыслью. Дидро дома. Он снял парик и облачился в халат. «Небрежно открытой шеей» гордо вознесена большелобая голова. Непокоем его ум — «одновременно пожирающий и животворящий». Его мечты обретают формулы конкретных предложений. «Превосходное средство для предупреждения восстаний крепостных против господ: сделать так, чтобы вовсе не было крепостных».

Дидро говорит, надеется и сомневается. Портрет показывает нам его спокойное достоинство и грустно-насмешливый понимающий взгляд. «Русский» Дидро мягок, но по всему лицу разбросаны рошочки остроумия.

Императрица тоскует по оставленной игре в карты и внутренне улыбается наивности собеседника. Для крепостных у нее припасено верное средство — расправа «попроворнее и покруче». Зачем образование крестьянину или солдату? Их удел ясен — погибать при штурме крепости от пули или на ниве от непосильного труда.

Дидро показан Левицким в момент прозрения. Целая гамма чувств на очень живом лице, сотканном из гнева и радости, раздумья и покоя.

Прозрение нерадостно. Нерадостность — ожидаемая. За

павлиными перьями философ разглядел ворону. Даже Екатерина поняла, что он увидел в ней «ум узкий и простой».

Дидро утомлен годами, рассказывает портрет. Но живет в нем неутомимое дви-

своим покоем для общего блага», — пояснял Левицкий. «Седая развратница», как именовал ее Герцен, являлась на портрете в роли просвещенной и справедливой повелительницы.

Но иллюзии иллюзиями, а

жизнь жизнью. «Истина пером моим руководствует!» — восклицал друг художника просветитель XVIII века Николай Новиков. Левицкий рисует его, как человека, которого глубоко уважает. Перед нами личность значительная, «муж гениальный».

Чем же особо прекрасно лицо, запечатленное Левицким? В нем восхищение мыслью. А она одухотворена двумя главными для Новикова качествами: человеколюбием и бескорыстием.

Мысль делает его бесстрашным. Мы видим на портрете человека, подобно Дидро, учающего царей и «больших бояр» — Несмыслов и Безрасудов, Скудоумов и Злорадов. Как и все, знает он: за журнальчиком «Всякая всячина» прячется императрица и указывает — сочинять сатиру лишь в «улыбательном духе», а восхвалять «твердого блюстителя веры и закона»...

Но Новиков по-прежнему с гневом пишет о бедности и рабстве крестьян, а саму «госпожу «Всякую всячину», то бишь императрицу, поносит всякими словами. Угладив подобное, могли ли не искриться самой лютой злобой бесстыжие карие глаза Екатерины, столь благолепно взирающие с портрета работы Левицкого? И она бранится.

А Новиков следует лобопытной и крамольнейшей по тем временам мысли Дидро:

«Право возражения... является... правом естественным, не отчуждаемым и священным». И возражает. Не только словом. Всем своим поведением. В голодный 1787 год раздает хлеб крестьянам почти ста селений.

Левицкий мог гордиться своим другом. И он гордился. Высокое достоинство человека, следующего только благородным помыслам своей души, воспел в портрете.

Радишев был для Екатерины бунтовщиком хуже Пугачева, а Новиков оказался еще хуже Радишева. Тогда очень любили задавать вопросы и получать ответы. Дидро, например, задавал императрице восемьдесят вопросов в письменном виде. Она задает Пугачеву в чине армейского поручика всего семьдесят пять. Но отвечает на них Новиков в сыром каземате секретного дома Шлиссельбургской крепости, где его стерегут двести солдат и семьдесят восемь пушек.

Бесстрашный человек Левицкий не отступает от своего опального друга. «Любезного и сердечного друга Дмитрия Григорьевича и Наталью Яковлевну», — пишет Новиков по освобождению, — поблагодарите за все...

Вот тогда-то и создает художник портрет великого просветителя XVIII века. Новиков на портрете спокоен, слишком спокоен. В то время, вспоминая, был он «ласков и добродушен».

Вот каков он на портрете — ласков и добродушен. Страдания переплавились. Ничего не умерло в нем. Как символ того, как знак его души — клубится на портрете мятежное небо. «Все мы ищем себя во всем».

По-разному кончалась их жизнь. Умер в Париже Дидро. Уединился в заботах о крестьянах своего селца Новиков. Бедствовал Левицкий, «будучи в самых горьких обстоятельствах при старости моей...» Екатерины «век златой» растаял, как мираж. Их век, людей «острых» и славных, умеющих любить и ненавидеть, остался навсегда.

В. ЛИПАТОВ.